

ББК 60.541.1

*Д.В. Колупаев***Казачий социум: методология исследования**

Ключевые слова: казачий социум, военная демократия, казачья община, традиционное хозяйство, мир – экономика, предпродомышленность, модернизация.

Keywords: Cossack society, military democracy, Cossack community, traditional economy, modernization.

История российского казачества в последнее время привлекает всё больше и больше отечественных историков. Исследуется как всё казачество в целом, так и его отдельные группы, которые в силу исторической традиции именуется казачьими войсками, разбросанными по всему периметру границ Российской империи, преимущественно в южных регионах. В ходе процесса изучения такого феномена исторического развития России, как казачество, возникают проблемы методологического подхода к вопросам описания всего комплекса проблем, связанных с возникновением и развитием казачества. В большинстве случаев отечественная историческая наука рассматривает казаков как особый вид военизированного сословия и изучает лишь военную историю казачества, а в последнее время и историю управления казачьими войсками [1]. Имеются труды, описывающие казачество как субэтнический элемент, инкорпорированный в систему межэтнических и государственных отношений Российского государства. На взгляд автора, актуальным является изучение казачьего социума как уникальной исторической страты, возникшей в ходе генезиса и развития Российского государства и русского народа. Здесь следует отметить, что казаки на протяжении всего периода своего исторического развития как субэтноса имели свою особую форму социально-политической организации – войско. Этот институт казачьего самоуправления тесно взаимодействовал со всеми формами казачьего бытия и являлся реликтом военной демократии.

Термин «социум» приобрел «права гражданства» в отечественном обществоведении сравнительно недавно. Под социумом понимается «реальная устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей в каких-то существенных отношениях и вследствие этого общностью культуры». Высшей формой социума выступает общество как социальная система [2, с. 336–337]. По другому определению социумом называется «человеческая общность как результат исторически сложившихся форм деятельности людей; группа людей, объединённых по каким-либо профессиональным или культурным признакам» [3, с. 1244]. Поскольку казачество (по крайней мере, в формате отдельного войска) вполне отвечает предложенным критериям, постольку

в контексте интересующей нас проблемы казачий социум можно рассматривать как социальную ипостась казачьего субэтноса.

По компетентному (хотя и не общепризнанному) мнению некоторых специалистов, России свойствен «кластерный» тип управления. Его наглядной моделью может служить виноградная гроздь, где каждая ягода сохраняет внутреннее устройство и прикрепляется к общей системе управления через черенок – административную элиту. Государство занято главным образом мобилизацией и перераспределением ресурсов между первичными ячейками, сохраняя при этом их значительную автономию [4, с. 70–71]. Конечно, историческая действительность нередко оказывалась далёкой от идеальной модели. «Мобилизация и перераспределение ресурсов» часто (пожалуй – слишком часто) шло путем грубого вмешательства государства во внутреннюю жизнь кластерных единиц, вплоть до насильственного переселения, раскрестьянивания и расказачивания. Интересы государства всегда были альфой и омегой политического бытия России, но даже в самые сложные переходные периоды (преобразования Петра I, «социалистическая реконструкция» народного хозяйства 20–30-х гг. XX в.) сохранялась некоторая автономия первичных ячеек, закреплённая в нормативных актах, пусть даже нередко нарушаемых центральной властью.

Выяснение вопроса о социально-юридическом статусе казачества представляет значительные трудности. Во-первых, потому что российское казачество было самобытным, динамически развивающимся социумом, поэтому некоторые социально-правовые рамки действовали в течение длительного времени и касались казачества в целом, другие – относились либо к отдельным казачьим войскам, либо к определенным хронологическим периодам. Во-вторых, особенно сильно российской системы управления во все времена являлось отсутствие парадигмы верховенства законов. Как отмечал М.М. Сперанский: «Россия есть и всегда была государство военное. Гражданские ее установления суть средства, а не цели ее бытия ... Начала ее управления всегда были совершенно военными, все и всегда управлялось одними дневными приказами, хотя форма их была различна» [5, с. 16]. Может быть, эта оценка и не свободна от некоторых преувеличений, но, действительно, все законодательные акты Российской империи, в том числе применительно к казачеству, рассматривались представителями имперской администрации как должностные инструкции, издаваемые верховной властью применительно к обстоятельствам места и времени.

Любой социум имеет свои собственные критерии самоидентификации и источники самосознания и самоорганизации. Современные российские историки выделяют следующие показатели казачьей идентификации: «...Происхождение (потомки казаков); произвольная самоидентификация (самосознание, самоощущение, мнение о себе – я казак); особенности хозяйственного бытового уклада, поведения; членство в организации казаков (войска, союзы, землячества, общества)» [6, с. 9]. Эти критерии позволяют определять казачий социум как самодостаточную социальную организацию, со своим жизненным и хозяйственным укладом, со своими системами социального регулирования и самоуправления.

В первую очередь при изучении казачества бросается его военная организация, причем военная атрибутика и система войсковых ценностей здесь несет в себе не только свою первоначальную сущность, но выступает как форма социальной организации. Казаки, как феномен исторического развития, впервые появились на границе земледельческих и степных цивилизаций, вобрав в себя различные черты их обоих. Казачье войско как социально-политическое явление было в первую очередь результатом развития института военной демократии, являвшегося на протяжении долгого исторического периода одной из форм протогосударства. Помимо этого, на процесс формирования казачьего феномена наложил отпечаток целый комплекс исторических, социальных, политических и природно-климатических условий. К таковым современные исследователи российского казачества относят следующие обстоятельства: «...1. Природно-климатические условия. 2. Лесостепная зона проживания в районе большой реки. 3. Столкновение и взаимодействие различных народов. 4. Смешанная этничность. 5. Преобладание пассионарного генотипа. 6. Господствующий активный тип социального поведения среди населения. 7. Общинная социальная организация. 8. Объединение жителей края в соседские общины и проживание по ее законам. 9. Воздействие геополитических интересов. 10. Расположение казачьей общности в регионе столкновения политических амбиций соседних государств. 11. Участие в первичной колонизации земель. 12. Освоение казаками ранее неизвестных территорий. 13. Конфессиональная терпимость. 14. Доброжелательное отношение к иной вере, личностное восприятие Бога, недоверчивость к официальной церкви. 15. Объединение культурных влияний различных народов. 16. Перманентно усиливающаяся сословность; выполнение военно-служилых обязанностей для сохранения традиционных привилегий» [7, с. 31]. Здесь представлен весь комплекс причин формирования казачьего феномена российской истории. Изучая лишь внешнюю атрибутику казачьей жизни, военизированный уклад, служилые обязанности казачества, исследователь оставляет в стороне

гигантский пласт социально-экономической особенности казачьей жизни. Методом познания казачьей «самости» несомненно является изучение всего вышеизложенного комплекса обстоятельств формирования казачьего социума, путей развития казачьего самосознания. Здесь следует особенно обратить внимание на обширность расселения представителей казачьего социума России. Казаки имели свои поселения на гигантской территории – от Дуная до Амура, везде сохраняя традиционные формы социального общежития и своей особой системы хозяйствования, что не исключало заимствования, в каждом конкретном случае, тех или иных элементов социальной и хозяйственной практики у соседних народов и этносов.

Само восприятие казачьими войсками себя как части русской государственности начинается со знаменитого договора между донскими казаками и царём Иваном IV. Не вдаваясь в этой работе в подробности текста самого договора, автор все же считает необходимым отметить его рефрен: «Здравствуй, царь-батюшка в Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону!». Здесь прежде всего следует обратить внимание на изначальную постановку проблемы разграничения полномочий или сферы компетенций между царской властью и системой казачьего самоуправления. Уникальный феномен казачества, как социального явления в российской истории, заключается прежде всего в системе договорных отношений между казаками и царской властью. Казаки ощущают себя не как слуги государевы, а как партнеры царя в деле защиты рубежей российской державы от внешнего врага. С начала XVII в., с периода Смутного времени, казачество уже выступает как одна из сил внутривосточного развития страны. Постепенно казачество осознает свою связь с Россией как с государственным образованием. При этом казаки часто выступали как основной элемент народного сопротивления различным формам социального закабаления своего социума со стороны государства. Это обуславливается спецификой казачьего восприятия социальной практики государственного управления в России, стремлению к «казачьей воле» как системе собственной самоидентификации. Отечественные историки так определяли эту форму казачьего самосознания: «...Вольный казак – демократ природный, но не демократ в смысле европейском, а в чисто русском смысле; у него вера в царя вне всякого вопроса, следовательно, вольный казак есть «царский демократ». Казак, понимающий долг и дисциплину военную, гражданскую и семейную, не может быть анархистом; казак, обладающий собственностью личной и общественной, не может быть коммунистом... Основы казачества: Бог, Царь, семья, своя казацкая община, самоуправление, полная гласность общественных дел и честная служба государству и Отечеству» [8, с. 33]. В данном случае монархизм казаков представляет вариант русского народного

монархизма. Определяя дух казачества, следует помнить, что казаки считали для себя возможным в социальной практике существования в параллельном измерении Царя как представителя верховной власти, и чиновничьей структуры, угнетающей в своей повседневной практике самостоятельность различных казачьих сообществ. Отсюда идея патернализма царской власти по отношению к казакам и отделение в казачьей идеологии фигуры царя от реальной власти. В этом уникальном идеологическом симбиозе видится причина живучести казачьей общины как составного элемента казачьего социума, на всей протяженности исторического периода сотрудничества российской монархической власти с казаками.

При описании экономических условий существования казачьего социума следует исходить из базовых характеристик его как единого хозяйственного комплекса. В основе его лежит военно-промышленное производство, сельскохозяйственная деятельность, основанная, преимущественно, на общинной системе землепользования, торговая деятельность и нарождающаяся к концу XIX в. предпримышленность, а местами уже и мелкое промышленное производство.

В основу методологии изучения экономической жизни как казачества в целом, так и его отдельных отрядов, например сибирского казачества, должны быть положены несколько принципов. К первому из них относится теория модернизации, которая охватывает все стороны социального и культурного развития. Выбор ее в качестве методологического подхода обусловлен тем, что она позволяет оценить и систематизировать различные факты, тенденции и процессы в ходе развития истории российского казачества и его отдельных отрядов, дает возможность оценивать рассматриваемый временной период как эпоху реализации своеобразного варианта догоняющей модернизации, основанного на системе саморегулируемого казачьего социума и трансформации традиционных его институтов.

Ко второму относится принцип историзма, который предполагает рассмотрение любого исторического явления в его развитии и взаимосвязи, взаимообусловленности с другими явлениями и событиями. Принцип историзма представляет собой исторический процесс как цепь следующих друг за другом во временной протяженности исторических связей и зависимостей.

К третьему принципу относится основанное на концепции французского историка Фернана Броделя изображение казачьего социума в виде своеобразной системы «мир–экономика». Система рассматривает казачье хозяйство как своеобразную социально-хозяйственную систему «Центр – периферия» с присутствующими ей следующими признаками: 1) внутреннюю структуру со своими системными связями; 2) выявление количественных и качественных изменений в хозяйстве казаков в рамках длительной временной

протяженности; 3) раскрывает весь комплекс закономерностей развития хозяйственной структуры сибирских казаков на описании условий и многообразных факторов, повлиявших на ее развитие; 4) определяющую систему регуляторов социального развития казачьего социума, ставящих весь принцип производства как основную составляющую всех видов казачьих хозяйств.

Рассматривая теорию модернизации как один из методов изучения экономической жизни казачьего социума, следует обратить внимание на то обстоятельство, что модернизация не обязательно должна включать в себя ликвидацию большинства основ традиционного общества. Казачья община, например в сибирском казачестве, достаточно гибко реагировала на появление в экономической жизни таких явлений, как рыночное хозяйство и предпринимательство. Сибирские казаки на станичных сходах, являвшихся формой реализации их прав на местное самоуправление, охотно предоставляли своим предприимчивым соседям возможности для организации разного рода предприятий, например, по переработке сельскохозяйственного сырья. Казачий предприниматель должен был только вносить в станичную кассу фиксированную денежную сумму за пользование станичной землей. Таким образом, являясь элементом традиционного общества, казачье станичное общество, по мере развития рыночных экономических отношений, эволюционировало в сторону трансформации своих общинных институтов в корпоративные. Опыт исследования общинного казачьего хозяйства сибирских казаков позволяет судить о постепенной трансформации традиционных натуральных и обменных форм экономической жизни в рыночные [9].

Принцип историзма, как метод исследования и описания казачьего социума, необходим для более детального изучения тех исторических явлений, которые вызвали к жизни специфику хозяйственного уклада казачьей жизни. Начав с системы военно-промышленного хозяйства, в Сибири носившего в значительной мере присваивающий характер, пройдя через систему казённого содержания в XVIII в., во второй половине XIX в. казаки перешли на самообеспечение. На рубеже XIX–XX вв. станичные хозяйственные комплексы уже достаточно органично начинают вписываться в систему рыночных экономических отношений.

Третий принцип методологии исследования хозяйственной жизни казачьего социума, основанный на идеях французского историка Фернана Броделя, ставящего систему экономической изменчивости в зависимость от длительной временной протяженности исторического времени, позволяет изучить весь комплекс хозяйственной жизни казаков на всем протяжении их исторического развития. Особенно в этом контексте интересен период перехода тради-

ционного казачьего хозяйства к рыночным формам его функционирования, наиболее ярко проявившихся во второй половине XIX в. Интересен в этом аспекте опыт отдельных отрядов российского казачества, например сибирских казаков. Хозяйственный комплекс сибирских казаков представлял собой идеальный вариант переходного хозяйства. Подобный тип хозяйствования европейские экономисты того времени определяли следующим образом: «Произошло разделение потребительского и производительного хозяйства... Общая потребность удовлетворяется при содействии других хозяйств... Разные хозяйства производят одно для другого; это совершается большей частью в рамках старых общинных форм» [10, с. 73]. Такой вид хозяйства характерен для большинства станичных хозяйственных комплексов сибирского казачества.

Сибирское казачество, как и большая часть казачьих войск России, имело определенные стартовые преимущества для перехода к рыночным, капиталистическим методам хозяйствования в пореформенные годы. Они заключались в наличии гибкой системы социального регулирования внутри казачьего социума, в стремлении самого командования Сибирского казачьего войска повысить систему рентабельности казачьих хозяйств. Появившаяся в станичных хозяйствах «предпромышленность» давала тот необходимый фундамент, который мог способствовать постепенному переходу на рыночные способы ведения хозяйства, не исключавшие определенных социальных регуляторов через сохранившиеся у казаков общинные

системы управления. Эти экономические процессы в казачьих хозяйствах полностью соответствуют тенденциям первоначального развития капитализма, о которых современные европейские историки говорят следующее: «...Предпромышленность, несмотря на свою самобытность, не была сектором с четкими границами... Существовала крестьянская промышленность работавшая на одну семью или одну деревню... На промышленность для семейного употребления накладывалась индустрия, тоже деревенская, но ориентированная на рынок» [11, с. 300]. При развитии такой формы промышленности неизменно возрастала роль казачьих предпринимателей. Они пользовались социальной поддержкой в казачьей среде при практически полном отсутствии чувства зависти, так часто встречавшейся в крестьянской общине. Можно сказать, что тот социальный спрос на предприимчивость и тароватость, в целом благожелательное отношение к состоятельным казакам внутри казачьего социума могли дать в дальнейшем тот задел, благодаря которому сибирские казаки, по мере развития рыночных отношений, смогли бы в будущем стать одним из столпов среднего класса в России.

Таким образом, приведенные положения о различных методах и подходах к изучению исторического развития и становления казачьего социума, как во всероссийском масштабе, так и при изучении отдельных отрядов российского казачества, могут быть применены при различных направлениях исследовательской работы.

Библиографический список

1. Андреев, С.М. Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919) / С.М. Андреев. – Омск, 2005.
2. Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998.
3. Большой толковый словарь русского языка. – М., 2000.
4. Прохоров, А.П. Русская модель управления / А.П. Прохоров. – М., 2002.
5. Прутченко, С.М. Сибирские окраины / С.М. Прутченко. – СПб., 1899.
6. Таболина, Т.В. Проблема современного казачества: 1980–1990-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Т.В. Таболина. – М., 1999.
7. Казачество и земство в России и на Орловщине / И.Л. Селиверстова, Е.Н. Королёва, Ю.В. Лебёдкин. – Орёл, 1998.
8. Дукмасов, И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казацким войском / И. Дукмасов. – М., 1887.
9. Колупаев, Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX в. Социально-экономическое развитие / Д.В. Колупаев. – Барнаул, 2007.
10. Зомбарт, В. современный капитализм / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М., 1904. – Т. 1.
11. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. – М., 2006. – Т. 2.